

О.Б. Соловьев*

ФЕНОМЕН «ПОЭТА ДЛЯ ПОЭТОВ» В РАБОТАХ И. Ф. АННЕНСКОГО И М. ХАЙДЕГГЕРА

Взаимодополнение двух мыслителей XX века — русского поэта И. Ф. Анненского и немецкого философа М. Хайдеггера — тема, вокруг которой в данной работе выстраивается философско-культурологический анализ понимания. Феномен «поэта для поэтов» рассматривается как точка «тождества разных голов», в которой происходит встреча сродственного, возникает чувство собственного существования. Для воспроизводства философского мышления в этом «умном месте» необходимо выполнение двух условий — того, что Хайдеггер называл отрешенностью от вещей, и того, что описано в работе как обоготворение невозможного.

Два мыслителя — один русский поэт и переводчик Иннокентий Федорович Анненский; другой немецкий философ Мартин Хайдеггер, — начинали день с чтения текстов на древнегреческом, в сосновом лесу постигали красоту мыслей и слов (И.Ф. Анненский — в Царском Селе, М. Хайдеггер — в Швейцарских Альпах, где прошли последние годы его жизни), преподавали и возглавляли учебные заведения (один — гимназию, другой — университет). «Поэт для поэтов» И.Ф. Анненский отворяет Серебряный век русской поэзии, которая, как сам язык, «дом бытия», говорит людям и людьми; «тайный король философии» М. Хайдеггер — философию экзистенциализма, устремленную, как и язык, в будущее. Несмотря на, казалось бы, небольшой временной интервал, разделяющий их, они жили в разные эпохи: И.Ф. Анненский творил на закате викторианской уверенности человека в своих возможностях и правильности выбранного обществом пути технико-технологического прогресса и потому во многом предвосхитил опасности, которые таил в себе дух нового столетия, сосредоточившегося исключительно на самом себе, своей экзистенции, на том, что воспринималось в качестве настоящего, вещно-очевидного; о недопустимости такого поклонения миру вещей, *пре-бывания* в повседневности, позднее предупреждал М. Хайдеггер.

Между тем оба — и немецкий философ, и русский поэт — как нельзя лучше «иллюстрируют» или комментируют друг друга. Известна характеристика М. Хайдеггера как «поэта в душе», а философичность И.Ф. Анненского не исчерпывается беглым наброском фраз о жизненных ценностях и устоях: страстная и живая любовь к бытию, к мудрости бытия — смысл, вокруг которого, будто вокруг оси, раскладываются складни и трилистники «Кипарисового ларца» и распеваются «Тихие песни». В то же время непростая, требующая абсолютного внимания философия М. Хайдеггера проясняется, если *со-проводить* ее тонким лиризмом И.Ф. Анненского, когда стихотворения ложатся в душу читателя некоторыми векторами в понимании «назойливых и праздных нагих граней бытия», а открытая не для всех поэзия русского учителя и проповедника, мудрая и взвешенная в каждом жесте, расцветает всеми своими красками, оттененная дискурсом «сумрачного германского гения».

* Соловьев О.Б., 2006

Соловьев О.Б. — кафедра философии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Что же таким неожиданным образом сближает пространственно и эпохально отдаленных друг от друга поэтов? Думается, что главным моментом здесь является то, *как* они оба, что называется, «прислушивались» к бытию. Это прислушивание, проникновение в непотаенное, в то, что заранее уже *есть*, происходило в стремлении постигнуть бытие (Sein) и прежде всего — в стремлении вывести смысл человеческого существования (Dasein), найти самый *остов* (ge-stell), сопрягающий человека и бытие, взаимопринадлежность которых не могла подлежать сомнению. Их интенция — понимание, а не знание.

«Бытие не дано человеку ни обычным, ни исключительным путем, — отмечает М. Хайдеггер. — Бытие присутствует и является только в той мере, в какой оно приступает с притязаниями к человеку. Ибо только человек, будучи открытым бытию, позволяет приблизиться к себе его присутствием. Это присутствие использует открытость некоего просвета и благодаря такому использованию вверяется человеческой сущности» [5.С.74]. Бытие не есть предмет, который можно потрогать: «бытие присутствует», бытие открыто человеческому пониманию, к нему нужно только обратиться, чтобы оно *про-светилось*, охватило собой, исполнило силой мысли и чувства. Проникающему в бытие, тому, кто стремится понимать, прежде чем действовать, «становится ясным следующее: Человек и бытие вверены друг другу. Они принадлежат друг-другу» [5.С.74].

И все-таки *постав*, или традиционная для Нового времени калькуляция, вошедшее в привычку отношение к миру как к набору вещей, не позволяет человеку сосредоточиться на том, что, собственно, только и дано ему — на бытии, а, значит, калькулирующий человек выпускает самое важное — свое присутствие *здесь и сейчас*, взаимопринадлежность человека и бытия. Как углубиться во взаимопринадлежность, как разглядеть единый белый свет, в котором человек видит окружающий его предметный мир? «Через воздержание от представляющего мышления, — находит ответ М. Хайдеггер. — Это самоотступление есть прыжок в смысле скачка» [5.С.74]. Человеку необходимо хотя бы на некоторое время отвлечься от вещных представлений, чтобы совершить скачок в область, которую М. Хайдеггер обозначает как констелляцию человека и бытия.

Перебоями ритма, нарочитым вопрошанием об исчислении («Пэон второй — пэон четвертый?») в «Трилистнике шуточном» И. Ф. Анненский закручивает пружину механизма, самоотступает, «заводится» на тридцать лет, чтоб «жить, мучительно дробя Лучи от призрачных планет на «да» и «нет», на «ах!» и «бя»². Поэт низводит *постав* буквально на нет: бытие не нуждается в опредмечивании; представляющее мышление, калькуляция отступают сами в преддверии смысла, что раздвигает, ширит грани бытия, образует зазор или *просвет* (Lichtung), в котором и происходит зарождение мысли. «Скачок — это внезапное погружение в область, в которой человек и бытие уже находятся вместе в их сущности, потому что оба из некоей полноты вверили себя друг другу. Погружение в область этой вверенности согласуется и определяется только опытом мыслителя» [5.С.75].

Скачок странный и действительно внезапный. Поэт, а именно он в порыве творческого вдохновения, как никто другой, испытывает взаимопринадлежность человека и бытия, без всяких мостов внедряется в самый *остов*³. Яркие чаши целокупных восприятий, которые выточил поэт, чистый жемчуг, в который он перелил свои немые слезы, — *остов* — «существеннее, чем вся атомная энергия, все машины, существеннее, чем сила организации, информации и автоматизации» [5.С.76]. Среди людей, которые «не слышат»⁴, поэт вдруг позволяет бытию «приблизиться к себе его присутствием». Это состояние «присутствия бытия», дрожания за свой покой, И. Ф. Анненский называет «прелюдией»⁵.

Прелюдия

Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам.
Тревога, а не мысль растет в безлюдной мгле,

И холодно цветам ночами в хрустале.
 Но в праздности моей рассеяны мгновенья,
 Когда мучительно душе прикосновенье,
 И я дрожу средь вас, дрожу за свой покой,
 Как спичку на ветру загородив рукой...
 Пусть это только миг... В тот миг меня не трогай,
 Я ощупью иду тогда своей дорогой...
 Мой взгляд рассеянный в молчаньи заприметь
 И не мешай другим вокруг меня шуметь.
 Так лучше. Только бы меня не замечали
 В тумане, может быть, и творческой печали.

Бытие посылает сигналы человеку, оно ждет, чтобы человек обратился к нему: «Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом Она дает гореть, дает светиться думам». Тревоги, которые растут тем более, чем сильнее затемнены, необъяснимы, могут быть элиминированы мыслью. Сигналы бытия и человеческий призыв, обращение к бытию, взаимопринадлежны, ибо исходят с обеих сторон. «Пусть это только миг...». В эти мгновенья как раз и происходит то, что у М. Хайдеггера получает свое выражение в понятии *Событие*: человек отчуждает от бытия яркие чаши и чистый жемчуг, а бытие посвящает ему целокупные восприятия и немые слезы. Иными словами, *случается* озарение, понимание «прыжком» реализуется на человеке, и поэзия воплощается в музыке законченных строф.

«Слово «Событие», — поясняет М. Хайдеггер, — означает лишь то, что мы порой называем «случай» или «происшествие». Здесь мы употребляем это слово лишь в «Singulare tantum»⁶. То, что им обозначается, имеет место лишь как единичное, нет, не однократное, но единственное» [5.С.77]. Событие случается или происходит как нечто единичное, но *проживается* оно по-человечески неоднократно: человек открыт бытию, всякий раз у него есть возможность *прожить* то, что уже *прожито* (или пережито) до него другими людьми или им самим, причем со-бытие для всего человеческого рода — будущего и прошлого — есть нечто одно. В XVII в. Блез Паскаль говорил о нашем мышлении как об одном человеке, мыслящем вечно и непрерывно. «Я полюбил безумный твой порыв, Но быть тобой и мной нельзя же сразу», — замечает И. Ф. Анненский. Однако со-бытие именно это и подразумевает — одну-единственную внутренне мерцающую «область, в которой соприкасаются человек и бытие в своей сущности и достигают своей сущностной природы, избавляя себя от обусловленности, вкладываемой в них метафизикой» [5.С.77].

Итак, понимание обуславливает тождество, в котором философ или поэт, проникая в самый *остов*, тождествен бытию *другого*, того, кто до или после него мыслил или помыслит ту же самую суть. Это и есть со-бытие. «Не теперь... давно когда-то Был загадан этот стих... Не отгадан, только *прожит*, Даже, может быть, не раз», — соглашается И. Ф. Анненский (курсив мой. — О.С.). Отличая себя от своего потомка, поэта-преемника, чьи «мечты — менады по ночам», Иннокентий Федорович боится обнаружить, что этот бог, этот огонь, влюбленный в немой полет его души, *случилось так*, и есть он сам:

Пусть только бы в круженьи бытия
 Не вышло так, что этот дух влюбленный,
 Мой брат и маг, не оказался я
 В ничтожестве слегка лишь подновленный⁸.

Понимание, «тождество разных голов», на всех одно. В противном случае мы имеем дело с непониманием: рассуждения о том, что каждый понимает по-своему, свидетельствуют о недостатке понимания. И хотя акты сознания, в которых *случается* понимание, дискретны (их может быть намного больше, чем «понимающих голов», поскольку,

однажды достигнув понимания, обладая известным опытом сознания, человек волен обращаться к нему, сколько ему заблагорассудится), в констелляции человека и бытия происходит их сближение. М. К. Мамардашвили замечал: «Структура же самого опыта сознания открывает нечто удивительное. Она позволяет эмпирически далекому стать близким, а близкое связать с будущим и т. д. То есть сближение точек при этом происходит поверх эмпирии. Не случайно такие чувствительные люди, как, например Мандельштам, говорили в этой связи о дальнем собеседнике, имея в виду, что условием поэтического акта является обязательно общение (т. е. та же преемственность), но общение как бы вне непосредственного участия в диалоге или беседе. Его поэзия и в самом деле обращена к дальнему собеседнику, но неизменно близкому с точки зрения структуры сознательного опыта человека» [3.С.93].

Поэзия И. Ф. Анненского тоже обращена к *другому*, к тому, чья душа подвижней моря, чья душа видит и слышит. Она *рассчитана* на дальнего собеседника. Чуткое прислушивание к бытию вознаграждается пониманием, констелляцией человека и бытия. «Пусть это только миг... В тот миг меня не трогай, — просит поэт, — Я ошупью иду тогда своей дорогой...». Куда ведет его путь? К каким «нежданным и певучим бредням» (Н. - Гумилев), к какой констелляции человека и бытия?

«Куда ведет путь? — переспрашивает М. Хайдеггер. — К возвращению нашего мышления в то Простое, которое мы в узком смысле слова называем Событием. Похоже на то, как если бы мы избегали опасности слишком беззаботного превращения нашей мысли в некую всеобщность, но на самом деле Ближайшее из Близкого непосредственно призывает нас к тому, чего мы уже придерживаемся, к тому, что мы хотели выразить словом Со-бытие. Ибо что может быть нам ближе, чем то, что сближает нас в том, чему мы принадлежим, ближе, чем Со-бытие?» [5.С.77].

М. Хайдеггер вспоминает одно из речений Парменида: «Одно и то же — внимать (мыслить) и быть». То, что мы обыкновенно представляем себе как две разные категории — бытие и мышление, — мыслится им как то же самое. «И был бы, верно, я поэт, Когда бы выдумал себя», — замечает И. Ф. Анненский [1.С.134]. Поэт *выдумывает*, т. е. *творит, осмысляя*, самого себя. Мы оказываемся в ситуации тождества: то, что помыслено, оказывается, и есть то же самое, что существует. Поэт наедине с самим собой и поэт, опосредованный в истории мышления или культуры, — это одна и та же фигура, один и тот же смысл, «закрепленный», но не опредмеченный! в созданных им произведениях. «Поэзия есть чувство собственного существования. Это философский акт», — именно так выразил эту мысль М. К. Мамардашвили [3.С.23].

В философском акте для нас первостепенно важным является его событийность — та причастность к бытию, которая отличает каждого, кто так или иначе может участвовать в воспроизведении поэзии как чувства собственного существования. Для того же, чтобы суметь воспроизвести философский акт, необходимо выполнение нескольких условий. Во-первых, это то, что М. Хайдеггер называет *отрешенностью от вещей*, — отношение к миру вещей как к чему-то такому, что мы допускаем в свою повседневную жизнь и даже в свою мыслительную деятельность, но между тем «оставляем снаружи», т. е. оставляем «как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего» [5.С.109]. Это состояние *прелюдии*, как описывает его И. Ф. Анненский: «Мой взгляд рассеянный в молчаньи заприметь //И не мешай другим вокруг меня шуметь //Так лучше. Только бы меня не замечали //В тумане, может быть, и творческой печали» [1.С.126].

Во-вторых, *мы не можем мыслить (или внимать мышлению), не обоготворяя смысл*, составляющий содержание самого философского акта. Опыт сознания онтологически укоренен: «я есть, я мыслю» предшествует всякому человеческому опыту. Но онтологизированный смысл, т. е. смысл, ставший самоценным бытием, и есть *не-*

возможное — то, что фатально не достижимо человеком в условиях его телесного существования. М. К. Мамардашвили, всматриваясь в эту тайну, вспоминал, что человек никогда не дан в полноте своего существа [4.С.207]. Человек может только внимать смыслу, но никогда не может проникнуться, пропитаться им, как, допустим, пропитывается водой погруженная в нее губка. Его удел — быть открытым бытию, но никогда не испытать его всей своей человеческой полнотой, так, чтобы мысль проникла в каждую клетку его организма. М. Хайдеггер утверждает: «...отличительная черта человека в том, что он, как мыслящая сущность, открытая бытию, стоит перед бытием, с бытием соотносится и ему таким образом соответствует. Человек, собственно, *есть* это отношение соответствия, и он есть только это. «Только» — это не означает ограничения, но избыток. Человеком правит принадлежность к бытию, и эта принадлежность прислушивается к бытию, поскольку оно ей вверено» [5.С.73–74]. «Затемненность» человеческой природы, своего рода «духовная амнезия», составляет величайшую опасность для нашего существования: человек больше заботится о своем теле, чем о душе, не ощущая своей принадлежности к бытию, которая действительно правит им. «Человек и бытие вверены друг другу, — напоминает М. Хайдеггер. — Они принадлежат друг-другу» [5.С.74].

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревно,
Но меж них ни печальнее нет,¹⁰
Ни нежнее тебя, *невозможно* .

Дыханье слов — их красота и, конечно же, смысл. Язык проходит через людей как нечто единое, обуславливая *взаимопонимание* и *взаимопринадлежность* одного человека другому в той области, в которой мы обитаем: «Мыслить Событие как Со-бытие, значит доводить до строения мерцающее в себе царство. Материал для самосозидания этого парящего строения мышление берет из языка. Ибо речь есть наиболее нежное и восприимчивое всепроникающее вибрирование в парящем здании сбывающегося. Поскольку наша сущность обособилась (*vereignet*) в языке, мы обитаем в Событии» [5.С.77]. И. Ф. Анненский высказывал свою любовь к одному *невозможно*.

Будучи в стороне от модных поэтических школ и философских течений, И. Ф. Анненский и М. Хайдеггер воплощали собой феномен «поэта для поэтов»: к ним прислушивались так, как они прислушивались к бытию. Если мы зададимся вопросом о том, кого называть автором художественного или философского произведения (творческого явления), а после — какое имя сопоставить смыслу (тому, что стоит за воплощением творческих усилий), то в первом случае с полной уверенностью укажем на хорошо знакомые нам имена мыслителей, деятелей культуры и искусства, а во втором (когда речь пойдет о том, *что* они нам сказали, *что* донесли до нас) — с удивлением обнаружим, что смысл этот *не принадлежит* ни одному из них. В первом случае, мы оказываемся в ситуации предельной индивидуации, когда автор дает нам весь «материал» для того, чтобы мы смогли прочувствовать все то, что он пережил и понял. Во втором — в ситуации предельной универсализации, которая имеет место на грани того индивидуального, что пережил автор, где, на самом деле, происходит «вывертка» внутреннего и то, что было в душе у автора, оказывается в душе у читателя (зрителя, слушателя). И если мы воспринимаем этот смысл, значит со-бытие коснулось и нас.

Примечания

¹ Достаточно вспомнить следующие строки И. Ф. Анненского из стих. «Поэту»: «В раздельной четкости лучей // И в чадной слитности видений // Всегда над нами — власть вещей // С ее

триадой измерений». См.: Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. С.205.

² Сонет «Человек». См.: Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. С.134.

³ По мысли М. Хайдеггера, «имя, которое мы выбираем для этой целокупности призыва, составляющего вместе человека и бытие так, что они могут устанавливать друг друга, — остов (ge-stell)». См.: Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С.76.

⁴ Стих. «Другому». См.: Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. С.143.

⁵ Прелюдия, будучи вступлением к музыкальному сочинению, нередко превращается в самостоятельное произведение. Однако не следует забывать, что это только *самое начало* и за ним следует «целокупная» мысль. По всей видимости, И. Ф. Анненский говорит о прелюдии как о предвестии: именно с этого момента, «когда мучительно душе прикосновение», поэт, вверяя себя «ту-ману» и «творческой печали», начинает мыслить.

⁶ В единственном числе (лат.).

⁷ Стих. «Другому». «Ты весь — огонь. И за костром ты чист // Испепелишь, но не оставишь пятен // И бог ты там, где я лишь моралист, // Ненужный гость, неловок и невнятен». См.: Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. С.144.

⁸ Там же.

⁹ Хотелось бы обратить внимание на определение, приводимое М. Хайдеггером: «То, что мы исследуем в остане как констелляцию бытия и человека посредством технического мира, есть *прелюдия* того, что мы зовем Со-бытие». См.: Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа. 1991.С.77.

¹⁰ Стих. «Невозможно». См.: Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. С.146.

Библиографический список

1. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель. Ленинград. отд-ние, 1990.
2. Библихин В. В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1992.
4. Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика. 2002.
5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа. 1991.

O.B. Soloviev

PHENOMENON OF “A POET FOR THE POETS” IN THE WORKS OF I. ANNENSKY AND M. HEIDEGGER

Mutual addition of two XX century's thinkers Russian poet I. Annensky and German philosopher M. Heidegger is the basic theme in philosophic and cultural analysis of the paper. Phenomenon of “a poet for the poets” regards as the point of “different heads identity”. In this point the meeting of allied occurs, the feeling of our own being arises. To reproduce it in philosophic thought two conditions are definitely necessary. They are the first that M. Heidegger called detachment and the second that consists in deifying of impossible.